Н. И. Ашмарин

Мое жизнеописание

Я родился в 1870 году в г. Ядрин Казанской губернии. Мой дед со стороны отца – крестьянин Владимирской губернии, из бывших крепостных, а мать – дочь государственного крестьянина слободы Казачьей Курмышского уезда Симбирской губернии. Вскоре после моего появления на свет мои родители переехали на постоянное жительство в дом моей бабушки по матери, в г. Курмыш, который я потому и считаю своей родиной.

Мой отец получил очень небольшое образование: он всего только окончил курс уездного училища, хотя то, чему его когда-то учили, помнил очень хорошо. Мать была с домашним образованием; немного училась даже музыке, – скорее так, из-за моды; читала русских «сочинителей», и у меня хранятся до сих пор несколько пожелтевших тетрадей со стихотворениями Некрасова, написанными ее рукою.

По-видимому, отец уже давно задумал направить детей по другой дороге. Моего старшего брата, умершего в очень молодых летах, он отдал по окончании курса городского училища в ближайшую к нам Нижегородскую гимназию, в которую потом поступил и я.

Очень рано пробудился у меня интерес к изучению языков, сначала – к чувашскому. Причиною этому были встречи с чувашами, приезжавшими в Курмыш из Засурья и столь резко выделявшимися всем своим обликом на общем фоне русского населения, среди которого я жил. Однако научить меня этому языку было некому, а о том, что на чувашском языке уже существовали книги, я совсем не знал. Таким образом, неблагоприятные обстоятельства заставили меня на время забыть о чувашах. Интерес к их языку проснулся у меня вновь несколько позднее.

Когда я стал готовиться в гимназию, мне пришлось взяться за французский язык. Преподавание велось по неизбежному (и в те времена, кажется, лучшему) учебнику Margot. Мой учитель, псаломщик Алипий Яковлевич (фамилию его не припомню), произносил по-французски плохо; напр., сведения о том, что в французском языке есть своеобразные носовые гласные, я почерпнул, совершенно случайно, совсем из другого источника. Но тот же учитель и заинтересовал меня французским языком. Он доказывал мне, что его старший брат, учившийся, кажется, в духовной академии, научился говорить по-французски, пока писал богословское сочинение, для которого он должен был пользоваться французскими источниками. Он же давал мне для чтения обширную французскую грамматику (если не ошибаюсь – Носова), в которой правила были написаны параллельными столбцами на двух языках. Эту грамматику я прочитал целиком, так же, как и хрестоматию, приложенную к учебнику.

Благодаря этим самостоятельным занятиям французским языком, я впоследствии, будучи в гимназии, шел по этому предмету много лучше своих товарищей по классу, даже «первых учеников». К сожалению, дикая внешняя среда, окружавшая меня, вообще не благоприятствовала развитию

моих интересов в области языкознания. Интересуясь древними языками, в особенности латинским, слабость к которому у меня осталась на всю жизнь, я, за все время учения в гимназии, не имел в руках ни одного ученого сочинения по этим языкам и ни одного хорошего комментария к древним авторам. Может быть, по этой причине я не отдался изучению классической древности, которая так легко могла бы очаровать своими вечными красотами начинающего филолога и совершенно отвлечь его от той отрасли языковедения, которую я избрал еще тринадцатилетним мальчиком, сидя на гимназической скамье.

Вспомнить снова о чувашском языке меня заставило одно чисто случайное обстоятельство. Мой старший брат Василий, учившийся в последних классах гимназии, как-то выписал из Казани «Фонетику чувашского языка» Добролюбова и Евангелие от Иоанна, изданное на чувашском языке Прав. Мис. Обществом. «Фонетика» заключала в себе разбор нескольких чувашских текстов, написанных русскими буквами, т.е. по той системе и которою пользовался в своих сочинениях Н.И. Золотницкий, и которая значительно искажала звуковой состав чувашских слов. Грамматический материал, заключающийся в книжке, был очень скуден, а объяснения языковых явлений страдали неточностью и неполностью. Совершенно новое строение языка сначала представляло для меня немалые трудности. Здесь я встретился с явлением, аналогии которых я не находил в тех немногих языках, которые я изучал до тех пор. Несколько раз бросал я непонятную книжку, и снова возвращался к ней с непобедимым желанием достигнуть намеченной цели. Разъяснить непонятное было некому, и приходилось ждать того времени, когда все, как я думал, выяснится само собой. Это время наступило не так скоро. Особенно трудно было истолковывать формы и строй евангельских текстов. К своему удивлению, я видел, что чувашская речь изображалась в Евангелии какими-то особыми буквами, в числе которых встречались непонятные мне знаки. Лишь несколько лет спустя, когда я уже читал без затруднений все изданное на чувашском языке, я узнал, что часть этих знаков была заимствована составителями чувашской азбуки из сербского алфавита. На первых порах я предполагал, что перевод Евангелия был сделан на каком-то особом чувашском говоре, о котором ничего не говорит Н.И. Золотницкий, но потом, когда, живя дома на каникулах, я стал говорить с немногими забродившими в город чувашами, я понял, что правописание Золотницкого неправильно, а своеобразная азбука миссионерских изданий передает чувашскую речь более точно.

Неимение чувашского словаря сильно мешало моим занятиям. Словарь Золотницкого я достал много позднее и совершенно случайно. Эта находка меня очень обрадовала, так как создавала для меня возможность приобрести знание довольно большого количества чувашских слов. Правда, моя радость быстро сменилась разочарованием, когда я заметил, что многие чувашские слова изображены в словаре в искаженном виде, но миссионерские издания, которые я читал, а также живая чувашская речь, позволили вносить

соответствующие поправки в словарь и делали его недостатки менее чувствительными.

Помню, что в первое время отдельные очерки по чувашской этнографии, составляющие приложение к словарю, казались мне верхом учености. Здесь я встречал сравнения чувашских слов со словами многих других языков и ссылки на различные ученые сочинения. Впоследствии я понял, что Золотницкий обладал основательными знаниями чувашского и восточных языков, и что многие из его ссылок и сравнений не выдерживают даже поверхностной критики; тем не менее его сочинения принесли мне также и ту пользу, что отчасти познакомили меня с существующей литературой на восточных языках и заставили обратить внимание на наречие Казанских татар, значение которого для изучения чувашского языка я мог вполне оценить лишь впоследствии, а также на черемисский, мордовский и вотский языки, имеющие немало точек соприкосновения с чувашским.

Почерпнув первые элементы казанско-татарского наречия из сравнительных сопоставлений Золотницкого, я стал читать издания, напечатанные в русской транскрипции Н.И. Ильминского для крещеных татар. Одни из книг были мною приобретены у нижегородских букинистов, другие куплены в Казани. Чтение этих переводов принесло мне огромную помощь, оно обогатило мой запас татарских слов, познакомило с простою, неприкрашенною татарскою речью и научило правильному татарскому произношению, усвоить которые из существовавших тогда книг, напечатанных арабскою азбукой, было совершенно невозможно. Когда впоследствии я попал в Казань и стал изучать татарский язык более серьезно, как по книгам, так и на практике, то мне уже было нетрудно отличить в той пестрой смеси, которую представлял тогда татарский литературный язык, элемент народный от иноязычных заимствований, которых в нем было так много. Кроме того, сравнение языка кряшен и казанских татар-мусульман указывало мне на существование отдельных татарских говоров, отличающихся между собою фонетикою, морфологией и лексическим составом, на что, кажется, не обратили никакого внимания казанские ориенталисты.

Восточные языки, а именно: арабский, персидский и османский, я стал изучать самостоятельно, еще будучи в гимназии. Тогда же я изучал на практике наречие нижегородских мишар, на котором мог, с грехом пополам, вести несложный разговор. К сожалению, практические уроки этого языка, которые давал мне один грамотный мальчик, сын бедного старьевщика, продолжались очень недолго.

Из предметов, которые я слушал в Лазаревском институте, куда я поступил по окончании гимназии, меня больше всего интересовал турецкий (османский) язык, как родственный чувашскому, изучению которого я уже тогда решил посвятить свои силы. Меня интересовала не османская литература, специального курса которой в Институте не читалось, а самый язык, преимущественно разговорная османская речь, которую я изучал по

драматическим произведениям и османским переводам произведений французских романистов, которые я мог тогда достать.

На первом курсе института мною была написана первая небольшая работа по чувашской этнографии («Очерк народной поэзии у чуваш»), которая была тогда же напечатана в «Этнографическом обозрении». Материалом для статьи послужили чувашские песни, собранные буинским чувашином – этнографом Ив. Никол. Юркиным и переданные мне для рассмотрения Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Чтение этого сборника раскрыло передо мной целый новый мир своеобразной поэзии, столь далекой по своей форме и содержанию от тех образцов народного творчества, которые я знал раньше. Вместе с тем эти же песни показали мне, насколько было недостаточно мое знание чувашского языка, так как оказывалось, что тем материалом, который я находил в печатных изданиях, далеко не исчерпывалось все морфологическое, синтаксическое и лексическое богатство чувашского языка.

Будучи на последнем курсе института, я стал собирать материалы для сочинения по фонетике и морфологии чувашского языка. Первоначальная рукопись моей чувашской грамматики была мною представлена покойному В.Ф. Миллеру, который указал мне на весьма существенные недостатки моей работы. Переработкой рукописи я занялся уже в Казани, где я поселился по окончании курса Института в 1894 г. Здесь я получил возможность дополнить свою грамматику путем устных расспросов чувашей и чтения чувашских рукописей, доставленных мне покойным Федором Никифоровичем Никифоровым, тогда учителем школы при Казанской учительской семинарии, а потом и наставником этой же семинарии. Несмотря на сделанные исправления, грамматика вышла довольно хаотической и с большими недостатками, так как у меня совершенно не было навыка к научной работе, а руководителя я не имел. Как бы то ни было, покойный профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов, которому я передал на рассмотрение свой труд, сказал мне, что он находит небесполезным напечатать мою грамматику и поэтому будет ходатайствовать о напечатании ее в «Ученых записках». Таким образом, моей первой работе в области изучения чувашского языка очень посчастливилось (А письмо к Н.Ф. Катанову, покойный венгерский академик Б. Мункачи назвал эту работу, уже после ее печатания...).

В 1902 г. была напечатана моя работа «Болгары и чуваши», в которой я дал краткий обзор тех данных, которые могли бы осветить вопрос об отношениях чувашей к волжским болгарам, и, между прочим, сделал попытку реставрации тех болгарских надписей, которые были приведены у Березина и других авторов и частью не были прочитаны, частью же, по моему мнению, были истолкованы неправильно. Работа была встречена сочувственно в иностранной литературе, а член Венгерской Академии Б. Мункачи посвятил изложению ее содержания обширную статью, напечатанную им в журнале... Продолжением этой работы является моя

статья: «Об одном мусульман[ском] камне на Арх. даче в Казани», а также рецензия, написанная мною на статью финнолога Миккола, касающуюся «Именника болгарских ханов».

Еще в 1896 г. я начал собирание чувашского словаря. Для этой цели я сначала использовал весь тот материл, который заключался в существовавших тогда изданиях на чувашском языке и сочинениях о чувашах, а потом приступил к чтению чувашских рукописей, полученных от И.Я. Яковлева, Ф.Н. Никифорова и некоторых других лиц. Эти рукописи, заключавшие в себе довольно богатые материалы по народной словесности чувашей, собранные сельскими учителями, учениками Симбирской чувашской школы и некоторыми другими лицами, содержали в себе значительное количество слов и характерных выражений, которые и были мною взяты в словарь. Кроме того, я собирал как словарный, так и вообще фольклористический материал лично: в Белебеевском у. Уфимской губ., в с.Тюрлеме Чебоксарского у., в Шибачеве, Верхних и Березовых Олгашах, Большом и Малом Карачкине Козьм. у., в Торханах, Мыслеце и Чертаганах Курм. у. и некоторых других местах. Довольно большое собрание чувашских слов и выражений доставили мне Петр Вас. Васильев, К.С. Сергеев, Ив. Кир. Токмаков, Петр Ив. Орлов, Виктор Никифор. Орлов, Ив. Никол. Юркин, Вас. Никиф. Никифоров, Мих. Петр. Петров, Илья Ефим. Ефимов, Алекс. Вас. Рекеев, М.В. Шевле, Григ. Тим. Тимофеев, А.П. Милли и другие лица, имена которых будут указаны при издании словаря. Очень многое было записано мною в разное время со слов чувашей, с которыми я встречался в Казани. Печатание словаря было начато еще до войны, но в свет вышло только два выпуска на букву А, всего 320 стр. В настоящее время работа по печатанию его начата снова, по почину Наркомпроса Автономной Чувашской Республики, однако издание всего словаря, если судить по количеству материала, может быть закончено лишь в течение нескольких лет.

Материалы, послужившие для составления чувашского словаря, были, кроме того, использованы мною для изучения синтаксического строя чувашского языка. Первая часть «Опыта исследования чувашского синтаксиса» была напечатана мною в 1903-м, а вторая – в 1923 г. При этом, детальное изучение синтаксических явлений дало мне возможность подметить ту важную роль, какую играет в этом языке как и в других родственных наречиях и психологический фактор, – обстоятельство, которому, насколько известно... уделяли очень мало внимания. Кроме того, выяснилось, что синтаксис отдельных говоров представляет во многих отношениях существенные различия, подробное обследование, объяснение которых может быть выполнено лишь в более или менее отдаленном будущем.

В последние годы, начиная с 1914-го, я стал работать в совершенно не затронутой туркологами и финнологами области, посвятив свои досуги изучению столь обильных подражательных элементов, заключающихся в языках Среднего Поволжья, т.е. в чувашском, казанско-татарском,

черемисском (марийском), вотском и мордовском, при чем мною привлекались для сравнения также и слова из других известных мне языков. Результаты этих новых занятий (первые наблюдения, сделанные мною над подражательными словами, относятся еще к концу прошлого века) изложены мною в работе: «Подражание в языках Среднего Поволжья», частью уже напечатанной в «Известиях Азербайдж. гос. университета». Эта работа уже отмечена как первый труд по тюркской мимологии ленинградским тюркологом Н.К. Дмитриевым в его... принятых к напечатанию в..., о чем он сообщает в своей монографической статье: «Этимология слова...», напечатанной в «Докладах Акад. Наук СССР» за сентябрь-октябрь 1926 года. В напечатанной до сих пор части моего труда сделана генетическая классификация подражаний и закончено рассмотрение генетических категорий мимем. Следующая часть, печатание которой отсрочено редакцией журнала на осень текущего года, заключает в себе исследование пятидесяти семи основных морфологических категорий мимем; каждая из этих категорий легко выражается определенной звуковой формулой, в которую укладывается целый ряд мимем, имеющих различное значение, но одинаково построенных в отношении расположения модифицирующих элементов. Конец работы будет посвящен семасиологии отдельных звуков в мимемах средневолжских языков.

Состоя в период 1923-26 гг. профессором Азерб. гос. университета, я занялся изучением наречия азери, а также принял участие в организационной работе по собиранию словаря тюркских говоров Азербайджана. Для последней цели мною была написана брошюра: «Инструкция и программа для собирания материалов, необходимых для составления тюркских говоров Азербайджана» (до моего отъезда из г. Баку по этой программе было заполнено около 12500 карточек), а результатом изучения этих говоров явилась книга: «Общий обзор народных тюркских говоров г. Нухи», изданная Обществом обследования и изучения Азербайджана в 1926 г.

В настоящее время, по возвращении в Казань, я вернулся снова к своей основной работе – исследованиям в области чувашского языка, обработке и преподаванию чувашского языка студентам-чувашам, прерванному в Симбирске. Последние слушали у меня в текущем году научный синтаксис чувашского языка, при чем им сообщались все результаты моих новых изысканий в области языка, не вошедшие в мои печатные труды. Часть времени уделялась, попутно, на выработку грамматической терминологии на чувашском языке, столь необходимой при преподавании языка в школах первой, и, в особенности, второй ступени.

Вся моя деятельность протекала в течение более тридцати лет в области народного просвещения и научной работы, преимущественно посвященной изучению языка, истории и духовной культуры чувашской народности.

На службу по ведомству Народного Образования я поступил 1-го декабря 1895 г. и с тех пор состоял на ней без перерыва. До 1900 г. я был учителем Казанской центральной крещ.-татарской школы, а с этого года –

преподавателем Казанской учительской семинарии, где и оставался на службе до 1918 г., когда это учебное заведение было упразднено. В 1927 г. был приглашен преподавателем татарского и чувашского языков в Северовост. арх. и этн. институт, где и был избран постановлением Совета от 5 сент. 1919 г., по конкурсу, профессором по кафедре тюркских (турецких) наречий (также состоял преподавателем в Казанском университете). В тяжелые годы голода перешел на службу в Симбирск (Ульяновск), где состоял профессором Чувашского института народного образования до самого упразднения этого учреждения (в 1923 г.), а оттуда был приглашен профессором тюркологии в Азерб. гос. университет. Советом этого университета (в заседании от 3-го февраля 1925 года) мне присуждено звание доктора тюркологии... по представлению Восточного факультета, согласно письменным отзывом и моей научной деятельности ленинградских туркологов, а также и печатным, заключающимся, в трудах Б. Мункачи, Рамстедта, Готье, Ю. Месароша, Ю.Вихмана, М. Рясенена и др.

В настоящее время я состою профессором тюркологии и чувашского языков в Казанском восточно-педагогическом институте. Имею семью, состоящую из восьми (8) человек детей и жены. Вся семья существует исключительно на мой заработок, так как дети (некоторые из них еще не вышли из младенческого возраста) или учатся в учебных заведениях или еще не начали посещать школу.

В последнее время (около пяти или шести лет) я страдаю болезнью сердца и аорты, вследствие чего работаю с значительным трудом.

Казань, 27 апреля 1927

Ашмарин, Н. И. Мое жизнеописание // Ашмарин, Н. И. Чувашская народная словесность / Н. И. Ашмарин. – Чебоксары, 2003. – С. 373-382.